Брат Лёшка нашёл его, возвращаясь из школы. Была зима, молодые дубки вдоль дороги стояли в белом куржаке. И оттуда, из дубков, раздавался тихий жалобный визг. Утопая в снегу, Лёшка пошёл на звук. В белом сугробе барахтался чёрный пушистый щенок с полными слёз глазами. Щенок явно выбивался из сил. Скулил он тихо и безнадёжно.

Лёшка наклонился, поднял щенка и сунул за пазуху. Щенок сразу умолк, повозился немного и скоро счастливо засопел под тёплой курткой.

— Куда ещё собаку?! — возмутилась мама.— И так две! Чем кормить-то?

— Мам, ну жалко же! Пусть поживёт, может, потом отдадим кому...

— Ага, отдадим! Кому-то он нужен!

Щенок, понимая, что речь идёт о нём и что мама здесь главная, сидел тихо и не сводил с мамы глаз. Она почувствовала взгляд, обернулась, сердито прикрикнула:

— Ну чего смотришь? Без тебя тут заботы мало! А ты что сидишь? — это уже Лёшке.— Молока хоть ему плесни!

К вечеру щенок освоил квартиру, весело бегал за ребятишками, оставлял на полу лужицы и звонко, заливисто тявкал.

Мне щенок понравился с первого взгляда. Был он не чёрным, как показалось Лёшке там, в снегу, а шоколадно-коричневым, пушистым и на удивление толстым, почти круглым. Наверное, поэтому дети хотели назвать его Шариком. Но я решительно забраковала столь банальное имя и предложила назвать щенка Малышом. Просто, красиво и необычно. К моему мнению прислушивались, ибо я была старшей, училась в институте, дома бывала редко, и всем хотелось меня чем-нибудь порадовать.

Так щенок стал Малышом. Я его обожала, подтирала за ним лужицы, кормила, расчёсывала шоколадную шёрстку, целовала удивительно смышлёную мордочку.

Но зимние каникулы коротки, надо было ехать в далёкий Красноярск — учиться. Расставаясь с Малышом, я даже всплакнула.

Так случилось, что после этого я не была дома больше года. В письмах мама писала, что Малыш превратился в большого и очень умного пса, что работает он вместе с мамой (а иногда и вместо неё) сторожем на совхозном складе мёда — семья наша тогда жила в пчелосовхозе.

И вот, наконец, закончилась моя очередная полевая практика, и наступили каникулы. Я ехала в свою деревню последним автобусом, вечер постепенно становился ночью, свет в автобусе не горел, и было так чудесно смотреть на звёздное небо, на проплывающие тёмные деревья, на весёлые огни встречных деревень. Вот и моя Южная. Я вышла в безлунную августовскую ночь, полной грудью вдохнув прохладные ароматы позднего лета. Никто меня не встречал, потому что я никому не сообщила о своём приезде — очень хотелось сделать сюрприз родным.

По тёмной улице я подошла к дому. Свет в окнах не горел; видимо, дома все спали. Я поставила сумку и

тронула щеколду калитки. И вдруг услышала негромкий, но устрашающий рык. Рычала огромная собака, неслышно возникшая по другую сторону калитки.

Я испуганно отпрянула. Но, сообразив, что это и есть Малыш, решила попробовать с ним договориться.

— Малыш! Это ты? Маленький мой, хороший...

Малыш перестал рычать, постоял несколько секунд и вдруг, завиляв хвостом, с радостным визгом бросился на забор.

Я распахнула калитку, и тут же мощные лапы легли мне на плечи и шершавый язык лизнул мою щёку. Узнал! Узнал!! Милый мой Малыш! Не забыл!

Я обняла пса и, плача от радости, гладила его по голове. А он счастливо поскуливал и всё норовил лизнуть меня в лицо.

В дом я вошла тихо и включила в прихожей свет.

— Кто там? — сразу спросил сонный мамин голос.

— Мам, это я!

— Господи, да как же? Да почему ж не написала-то?

Мама обнимала меня, а за ней уже стояли сонные, но счастливые сестрёнки и братишки.

— Постой, а как ты вошла? Там же Малыш! Проспал, что ли? — спросил отец.

— Нет, он меня первый встретил! И первый поцеловал! — со смехом сказала я.

До сих пор я восхищаюсь и удивляюсь любви и благодарной памяти Малыша. Ведь, когда я уехала, он был совсем крохой, маленьким щенком, делающим лужи на полу и лакающим молоко из мисочки. И общалась-то я с ним не больше недели. И — запомнил! И ждал! И, взрослый, большой, радовался мне до щенячьего визга.

Настоящий верный друг!